

Центральное место в первой части работы занимает этнографическая характеристика традиционной рыболовной техники. Одно из достоинств этого раздела — детальное описание не только орудий рыболовства, но и традиционных способов их использования. Текст хорошо иллюстрирован фотографиями и рисунками традиционных орудий. На таком уровне и с такой полнотой описание рыболовной техники белорусов выполнено впервые.

Заслуживают внимания постановка вопроса о классификации традиционных орудий рыболовства, а также уточнения, внесенные в современные классификации рыболовных орудий. Однако не все стороны этой интересной проблемы рассмотрены достаточно полно. В частности, мало обоснована необходимость классификации орудий рыболовства по комбинации признаков, хотя именно этому принципу отдано предпочтение в книге.

Положительно следует оценить стремление автора выявить сходство рыболовных орудий белорусов с рыболовными орудиями соседних народов и тем самым исследовать некоторые аспекты этнокультурных связей между ними. Рассмотренные здесь И. Н. Браимом факты были бы для читателя еще ценнее, если бы он посвятил им отдельный параграф. Большое научное значение имеет также выявление генезиса рыболовных орудий. К сожалению, автор остановился на происхождении только некоторых из них (стр. 57, 58, 64, 70).

Разумеется, в первом многоплановом исследовании рыболовства у белорусов, каким является рецензируемая книга, не все вопросы освещены в одинаковой степени. Более обстоятельно исследованы этнографические особенности рыболовных орудий и способы их использования, развитие рыболовного промысла в Белоруссии и различные формы его организации со второй половины XIX до 60—70-х годов XX в. Менее детально изучены вопросы классификации орудий рыболовства, роль рыболовства в производственной деятельности белорусов и его влияние на быт населения.

В целом работа И. Н. Браима существенно обогащает этнографическую литературу о рыболовном промысле. Она пополняет историко-этнографические исследования о традиционной материальной культуре и народных промыслах белорусов, опубликованные в последние годы¹, и вместе с ними создает предпосылки для более глубокого изучения этнической истории восточнославянских народов.

М. Ф. Пилипенко

¹ «Беларускае народнае жыллё». Мінск, 1973; «Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў». Мінск, 1974; «Беларускае народнае адзенне». Мінск, 1975; В. С. Титов. Народные деревообрабатывающие промыслы Белоруссии. Минск, 1976.

Карельские причитания. Издание подготовили А. С. Степанова и Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976, 534 стр.

Одна из наиболее характерных особенностей фольклора финно-угорских народов — развитие высокохудожественных обрядовых причитаний, которые могут в этом смысле быть поставлены в один ряд с эпическими песнями и лучшими образцами сказок и лирических песен. Однако до недавнего времени они изучались и собирались сравнительно мало. Будущим историкам фольклористики предстоит выяснить причины этого своеобразного парадокса. Вероятно, сказалось и давнее увлечение эпосом (особенно карельским), а позже — сказками и, может быть, трудность фиксации причитаний без звукозаписывающих аппаратов. Возможно, сыграло свою роль и ложное мнение о преобладающем славянском (русском) влиянии на развитие причитаний как прибалтийских, так и поволжских финноязычных народов. Это представление поддерживалось действительной развитостью жанра причитаний в русском (причем особенно северно-русском) фольклоре и наличием (или сохранением?) в недавнем прошлом свадебных причитаний только у тех финно-угорских народов, которые на протяжении последних столетий особенно тесно контактировали с русскими (при этом имелись в виду не только социально-экономические и политические, но и конфессиональные связи).

В последние годы изучение причитаний финно-угорских народов довольно заметно продвинулось. В составе мордовской фольклорной серии издано три тома, в которых впервые было опубликовано значительное число записей свадебных (эрзянских и мокшанских), похоронных, рекрутских и внеобрядовых (эрзянских) причитаний¹. Каждый том был снабжен нотными (к сожалению, довольно малочисленными) примерами. Общая характеристика мордовских причитаний была дана в ряде трудов².

¹ См.: «Эрзянская свадебная поэзия». Составитель А. Г. Борисов. Общая редакция К. В. Чистова и Л. С. Кавтаськина. Саранск, 1972, 471 с.; «Мокшанская свадебная поэзия». Составитель К. Т. Самородов. Общая редакция К. В. Чистова и Л. С. Кавтаськина. Саранск, 1975, 400 с.; «Эрзянские причитания-плачи». Составитель Л. С. Кавтаськин. Общая редакция К. В. Чистова и К. Т. Самородова. Саранск, 1972, 374 с.

² См.: «Мордовское народное устно-поэтическое творчество». Саранск, 1975 (авторы соответствующих глав А. Г. Борисов и Л. С. Кавтаськин).

В сборнике Х. Тампере было опубликовано некоторое количество эстонских (сету-ских) причитаний, в сборнике Э. М. Киуру — ингермаландских³.

Одновременно появились и новые значительные исследовательские опыты, связанные с причитаниями финно-угорских народов. Это были статьи У. С. Конкка, А. С. Степановой, А. Г. Гомон — о карельских причитаниях; В. А. Пино — о причитаниях эстонцев-сету; Ф. В. Плесовского и А. К. Микушева — о причитаниях коми; А. Г. Борисова, Л. С. Кавтаськина, К. Т. Самородова и М. И. Имярекова — о мордовских и др.⁴ В это же время значительно активизировалось и изучение причитаний финно-угорских народов в Финляндии. Здесь следует назвать работы А. О. Вяйзянена, Л. Хонко, А. Ненола-Каллио, П. Лейно и др.⁵ Следует отметить большую роль коллективных сборников «Проблемы изучения финно-угорского фольклора» и «*Soomme-ugri rahvaste muusikaparandist*», «Музыкальное наследие финно-угорских народов»⁶ для развития интересующей нас проблемы.

В ситуации нарастающего интереса к традиционным обрядам и обрядовой поэзии (в частности финно-угорских народов) карельскими фольклористами был задуман цикл собирательских и исследовательских работ, в результате которых должны были возникнуть два фундаментальных издания — рецензируемый сборник А. С. Степановой — Т. А. Коски «Карельские причитания» и монография У. С. Конкка «Карельская обрядовая поэзия». С удовлетворением отмечаем, что первая из этих работ наконец увидела свет.

Составленный А. С. Степановой и Т. А. Коски сборник «Карельские причитания» представляет собой первое отдельное и вместе с тем весьма обширное издание причитаний прибалтийско-финских народов. В сборнике печатается 233 текста и 44 мелодии свадебных, похоронных и бытовых причитаний. Столь объемистыми сборниками может похвалиться только русская, украинская, мордовская, сербская и венгерская фольклористика.

Составители сборника проделали огромную и сложную работу, которая началась еще в многолетних (1958—1971) экспедициях, где они и другие карельские фольклористы записали большое количество интереснейших причитаний. Как следует из таблицы на стр. 528—529, в эти годы было записано 403 текста из общего количества 765 текстов, которыми располагали А. С. Степанова и Т. А. Коски. Это помогло им заметить многое, что было бы практически недоступно «кабинетным» ученым. Исключительную сложность представляла расшифровка звукозаписей текстов и особенно напевов причитаний. Судя по тщательной передаче различных подробностей исполнения (звуковысотные колебания, «нечистые звуки», метrorитмические модификации и т. д.), видно, что и расшифровка мелодий сделана умелой рукой человека с опытным слухом. Жаль только, что Т. Коски не решилась более основательно прокомментировать свои записи. Отметим также, что фольклористам-музыковедам интересно было бы познакомиться не только с основными типами карельских причитаний, но и с различными вариантами их. По крайней мере желательно было бы привести не только основную напев, а все напевы, на которые причитывают наиболее выдающиеся исполнительницы. Однако и опубликованные мелодии — настоящее богатство для исследователей.

Самостоятельную ценность представляют русские переводы текстов, что во много раз увеличивает число читателей сборника. Это была огромная работа, если учесть исключительно сложный для перевода язык причитаний. В условиях ритуального табуирования терминов родства и некоторых обрядовых терминов возникла весьма последовательная система иносказаний («метафорических замен»), очень тесно связанных не только с лексическими, словообразовательными или синтаксическими, но и с фонетическими и акцентуальными особенностями карельского языка. Словесная ткань причитаний ор-

³ Х. Тампере. Эстонские народные песни с мелодиями, т. III. Таллин, 1960; Э. М. Киуру. Народные песни Ингермаландии, Л., 1974.

⁴ У. Конкка. Itkuvirsirunouden tutkimuksen ongelmia — «Virittäjä», 1968, № 2; *ee же*. Карельская свадебная причитальница — itkettäjä «возбудительница плача». — «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор». Л., 1974; У. С. Конкка, А. Г. Гомон. Карельские причитания. — «Музыкальное наследие финно-угорских народов», Таллин, 1977; А. С. Степанова. О метафорических заменах терминов родства в северокарельских причитаниях. — «Вопросы финноугроведения», вып. 5, Йошкар-Ола, 1970; В. А. Пино. О характере и содержании сетуских причитаний. — «Проблемы изучения финноугорского фольклора», Саранск, 1972; В. А. Ланин. Русская песня у вепсов — «Музыкальное наследие финноугорских народов», Таллин, 1977 и др.

⁵ А. Väisänen. Karjalaisista itkuvirsista. — «Musikkitieto», 1941, S. 114—115; L. Honko. Itkuvirsirunos. — «Suomen kirjallisuus», Helsinki, 1963; *ego же*. Balto — Finnish Lament Poetry. — «Finnish Folkloristics», I, Helsinki, 1974; А. Ненола — Каллио. Itkuvirsien henki-Ionniimytysten typologiaa — «Sananjalka», № 14, Turku, 1972 *ee же*. Inkrien itkuvirsialluet. — «Sananjalka», № 15, Turku, 1973; *ee же*. Lucky shoes of weeping shoes: structural analysis of Ingrian shoeing laments. — «Finnish Folkloristics», I; P. Leino. Strukturaalinen alkusointu suomessa, Helsinki, 1970; *ego же*. The language of laments: the role of phonological features in word choice — «Finnish Folkloristics», I.

⁶ «Soomme-ugri rahvaste muusikaparandist. Koostaja ja toimetaja I. Ruutel». Tallin, 1977, 515 с.

ганизуется не только постоянным вариационным повторением подобных иносказаний, но и сквозными аллитерациями, охватывающими в севернокарельских и частично в среднекарельских причитаниях значительные по объему синтаксические периоды (строфы), а в сегозерских и южнокарельских, как правило,— одну строку. Так, мать может называться «моя женщина, меня умывшая», «моя женщина, меня обогревшая», «моя женщина, взрастившая тоскливое семечко», «моя женщина, выпарившая тоскливое семечко» и т. п., т. е. в состав формулы входит по крайней мере одно определение функции матери. Иногда формула замены может разрастаться до 8—10 компонентов. Характерная особенность этих формул — обилие ласкательных суффиксов. Вместе с тем эти формулы не выделены ритмически или при помощи аллитераций; анафорические аллитерации пронизывают их, но охватывают, как мы уже говорили, целые периоды или строки. В первом случае количество аллитерационных повторов может быть поразительно большим. Так, в одном из текстов Е. Н. Пивоевой в двух рядах стоящих периодах аллитерациями связано 19 и 26 (!) из 43 и 49 слов, составляющих эти периоды (стр. 36). Столь развитые аллитерационные ряды — явление поистине уникальное в истории мировой поэзии и свидетельствует о поразительном мастерстве карельских исполнителей причитаний.

Кстати, заметим, что А. С. Степанова напрасно прибегает к термину «прозаическая строфа». Не следует думать, что четкость выделения и равносложность строк — важнейшие критерии стихотворного текста. Отсутствие этих показателей компенсируется напряженностью звуковой организации текста, смысловой и мелодической эквивалентностью периодов и, наконец, внутривокальной эквивалентностью синтагм, образующих строфу.

Сборник дает новые основания для размышлений о соотношении карельских (и шире — финно-угорских) и севернорусских причитаний. Отметим то, что представляется нам особенно важным.

Что же общего в карельских и севернорусских причитаниях? Это значительное развитие жанра причитаний во всех его основных разновидностях (похоронные, свадебные, рекрутские и бытовые), тематическая и функциональная близость карельских и русских причитаний, формирование поэтического языка на основе системы иносказаний (замен). В то же время карельские и русские причитания, несомненно, два варианта развития сходного явления. Различие словесного выражения, активное использование лексических, словообразовательных и акцентуальных особенностей карельского и русского языков, чрезвычайно важные различия в способах организации текста — все это говорит о том, что они развивались параллельно и самостоятельно. Это не значит, что карело-русские этнокультурные контакты прошли бесследно для причитаний, особенно в зонах давнего двуязычия. Предметом специального исследования могли бы явиться сходные мотивы в южнокарельских и севернорусских причитаниях (ожидание птиц, выкуп у смерти, прощание с домом, заимствованный дом, поиски умершего, бужение на кладбище и т. п.), сближение способов метафорических замен в них (замены не отглагольными существительными, а существительными, имеющими образно-символический характер — типа «курочка», «уточка» и др., сходные с русским «лебедушка») и другие явления.

Все сказанное не столь уж неожиданно. Если ориентироваться не на традиционное представление о русском влиянии, а вспомнить о соотношении карельского и русского эпоса, карельской и русской волшебной сказки в их архаическом слое, то нельзя не видеть однотипности процессов. Так, русский и карельский эпосы развивались и сохранялись на соседних территориях. Кроме этого, у них было весьма мало общего. Они явно разнотипны по происхождению и были едва ли не взаимонепроницаемы, даже в двуязычных районах. То же самое можно сказать и о волшебной сказке в отличие от сказки новеллистической.

Севернорусская и карельская причет входят в один обширный восточноевропейский ареал, для которого характерны максимальное развитие похоронных причитаний и одновременно развитость причети свадебной и необрядовой. Этот комплекс был распространен в XIX—XX вв. на большей части территории расселения русских и значительной части расселения финно-угорских народов (мордвы, коми, карел, ижорцев, вепсов, эстонцев-сету). Причины формирования этого ареала недостаточно ясны. Обычны ссылки на конфессиональные различия тех финно-угорских народов, которые входят в этот ареал (православные) и в него не входят (католики, потом лютеране). Однако это не объясняет всей проблемы, так как на юге и западе граница ареала разделяет русских и других восточных славян — украинцев и белорусов, которые тоже всегда были православными.

Возникают и другие не менее сложные проблемы. Карельский эпос и ранние слои карельской волшебной сказки архаичнее русских. Можно ли то же самое сказать о карельских причитаниях? Высказывалось мнение, согласно которому русские свадебные причитания сформировались относительно поздно (XV—XVI вв.) на основе похоронных. Можно ли считать, что у карел происходило нечто подобное? Можно ли в свете нынешних данных считать, что все виды причитаний (включая и свадебные) когда-то были известны всем финно-уграм и славянам, а потом где-то сохранились, а где-то были забыты? По отношению к славянам эта точка зрения подвергалась сомнению, что, по-видимому, имеет свои основания. Финно-угроведы же и в последние годы продолжали высказываться в пользу древности всех видов причитаний у народов, которые они

изучают (Л. Хонко, И. Рюйтель и др.)⁷. Каково влияние своеобразной системы карельских бытовых верований и магических обрядов на поэтическую и мелодическую структуру причитаний? И наконец, равномерно ли соотношение пронцаемости/непронцаемости взаимовлияний в похоронных и свадебных причитаниях, особенно если учесть безусловность взаимообмена в сфере свадебного обряда?

Одним словом, дальнейшее изучение причитаний должно дать много не только для понимания одного из поэтичнейших и своеобразнейших жанров северо-восточной Европы, но и для этнокультурной истории этого региона. Следует пожелать дальнейших публикаций текстов и вместе с тем развития сравнительных изучений в словесно-фольклорном, этномузикальном и этнографическом аспектах. Очень важно было бы подумывать об осуществлении систематического картографирования важнейших элементов причеты (поэтические мотивы, функции, способ исполнения, ритмика, метафорика, мелодика и т. д.).

Однако вернемся к рецензируемому сборнику.

Тексты, которые в нем публикуются, расположены по основным диалектным и этнографическим зонам. Это вполне обосновано, так как в целом соответствует и важнейшим особенностям причитаний. В то же время обращает на себя внимание полное отсутствие сведений о карелах Калининской области. В пределах зон причитания расположены по группам, в связи с их функцией — похоронные, свадебные и бытовые (внеобрядные).

В вводной статье даются обзор истории собирания и характеристика современного состояния и особенностей поэтического языка причитаний. При этом не только рисуется общая судьба жанра, но и подробно говорится о значении причитаний для исполнительниц, об их месте и функции в жизни человека, а также о поэтических достоинствах причитаний. Нельзя не пожалеть о том, что во вступительной статье почти не обсуждаются теоретические аспекты проблемы, в то время как в музыковедческой статье материал анализируется именно в этом аспекте и мало говорится о проблемах, связанных с подготовкой материалов к изданию. Подобная неравномерность невольно бросается в глаза.

Ценным дополнением к сборнику являются таблицы, характеризующие количество записей по годам и районам, и особенно указатель тех этапов обряда, на которых причитывали. Хорошо дополняют тексты причитаний и комментарии (примечания), в которых сообщаются ценные сведения о текстах, исполнителях и исполнении, обстоятельствах собирания и т. д. Все это способствует более глубокому пониманию причитаний и среды их бытования. Жаль, что в издании нет иллюстраций.

Можно отметить некоторые противоречия в вводной статье и примечаниях. На стр. 19 утверждается, что примерно с 1925 г. прекратилось исполнение свадебных причитаний. В таком случае непонятно, откуда их знали исполнительницы, причитавшие для записи в 1968—1971 гг. (в эти годы было записано более 100 текстов свадебных причитаний — см. стр. 529). Ведь в это время, как сообщается на стр. 24, им было в среднем 50—60 лет, значит, в 1925 г. им было от 7 до 17 лет, и, следовательно, они уже не причитали на своих свадьбах и свадьбах своих сверстниц. Не вполне понятно употребление слова «репертуар» в приложении к причитаниям и исполнительницам причеты. Известно, что опытная исполнительница могла причитывать (= создавать тексты) столько раз, сколько требовалось по обстоятельствам ее жизни. К сожалению, остались необобщенными сведения о способе исполнения причитаний. Еще Л. М. Кершнер в статье в сборнике «Карельские народные песни» (1962) заметила, что они исполняются либо в «речитативно-декламационном стиле», либо в стиле «быстрого говорка», либо в «стиле распевания интонаций горестного повествования» (стр. 16). Как же соотносятся эти стили? Можно ли говорить о том, что они связаны с зональными отличиями, или эти отличия индивидуальные?

Наши замечания по сути вызваны желанием получить побольше сведений об интересном жанре. В целом же перед нами работа, в которую вложено много усердного труда и дарования. Появление сборника, как мы уже говорили, — примечательное событие в советской фольклористике. Материалы его открывают новые пути исследования славяно-финно-угорских взаимоотношений, освещают некоторые загадочные до сих пор проблемы истории народной поэзии как финно-угорских, так и славянских народов. Остается пожелать скорого выхода в свет итога многолетней исследовательской работы, которая велась в Карелии параллельно с собиранием материала, — монографии У. С. Конкка «Обрядовая лирика Карелии», где, как говорится в предисловии к рецензируемому сборнику, «впервые карельские причитания подвергнуты всестороннему изучению».

И. Н. Рюйтель, К. В. Чистов

⁷ Ср. *L. Honko. Указ. паб.; I. Rütel. Vadja pulmalauludest ja nende suhetest eesti laulutraditsiooniga.* — «Läänemeresoomlaste rahvakultuurist», Tallin, 1970; *ee же. Rahvalaule-ekspeditsvo onil Lääne-Eestis.* — «Keel ja Kirjandus», 1968, № 11, и др.